

ту, чтобы было где растить «нагулянного» ребенка. Делает она это, правда, не от большого ума, но сам факт менее сюрреалистическим от этого не становится.

В общем и целом сборник оставляет неоднозначное впечатление. Самое близкое ощущение — как будто окунули в грязь, в те самые прокуренные общежития с картонными стенами, смятыми постелями, закисшими бычками и непонятной вонью; с точки зрения литературности это скорее хорошо — значит, и авторам, какими бы бульварными их тексты ни были, и составителю сборника, подбиравшему материал, удалось воспроизвести то, что называется «духом эпохи»... но таким, каким он был в их понимании. Историческая объективность (тоже немаловажный компонент, если говорить о каком-то явлении в определенную эпоху) явно проигрывает «атмосферной» составляющей, и из-за этого ощущение купания в грязи только усиливается; при этом ты понимаешь, что как бы ты это ни воспринимал и как бы это ни воспроизводилось, это все же было и отворачиваться от этого — и от действительности, и от ее литературной интерпретации — нельзя. В заслугу Быкову можно однозначно поставить то, что он извлек на свет и опубликовал те тексты, которые давно забылись вместе со своими авторами, но в этом сборнике обрели фактически новую жизнь.

Наталья АБАРНИКОВА

ПРЕОДОЛЕВАЯ ТРАВМУ

Казенный дом и другие детские впечатления / Сост. Ирина Головинская.

М.: Время, 2019. 224 с. (Диалог).

Уже из аннотации мы узнаем, что «казенный дом» — это «детский сад, больница (санаторий) в любое время года или пионерлагерь (чужая дача) летом». В предисловии предлагается взглянуть на явление шире: «...любой неродительский и не родственно-дружеский дом для ребенка — это и есть дом казенный, и пребывание в нем вне домашнего тепла — это и есть опыт неволи и сиротства». И только открыв для себя рассказ Льва Рубинштейна с неброским названием «Подлива», читатель, погрузившись в мечтания «исключительно домашнего ребенка», наконец понимает, что есть «казенный дом».

«...Как бы ни была заботлива семья, как бы ни было натоплено и прибрано родительское жилье, многих из нас настигает тоскливое чувство бесприютности <...> Бывает так, что и в родительском доме человек чувствует себя как в чужом».

Так, место действия в сборнике вовсе не место, а состояние. Оттого и бесприютность иного рода — эмигрантский опыт Маши Сумниной («Адаптация») и история обретения дома Леонида Гиршовича («Человечество: план Б») — целостность сборника не нарушает.

Время действия — 50-е, 60-е, 70-е, 80-е и несколько особняком 90-е (Мария Альтерман «Воскресенск» и др.). Одно десятилетие сменяет другое, но приметы времени остаются неизменными: чемоданы и дорожные сумки, подписанные размашистым родительским почерком, подливка, молочная вермишель и компот из сухофруктов, «рыбежир» из общей ложки...

Художественная задача — «преобразовать боль, страх, стыд в текст». Писатель получает возможность изжить детскую травму вынужденного сиротства, читатель — наблюдать, «как люди по-разному реагируют на один и тот же вызов».

«Читатель, вовлекаясь в эту стихию, может сопереживать, сравнивать свои собственные переживания с теми, которыми щедро и откровенно поделились авторы сбор-

ника, увлекаться разнообразными сюжетами и жизненными коллизиями, смеяться вместе с теми, кто смеется над собой».

В одном из материалов, приуроченных к Non/fiction № 20, редактор издательства «Время» Алена Георгиева, высказываясь о сборнике, кроме очевидного эстетического, приписывает ему еще и психотерапевтическое воздействие, направленное и на писателя, и на читателя. Рассказывая о своих собственных (и одновременно наших общих) детских переживаниях, писатели приглашают к осмыслению прожитого, устанавливают тот самый заявленный в названии серии диалог. Поделиться, заново прочувствовать, осмыслить и отпустить — вот и вся терапия. Простая и действенная. Так «Казенный дом...» преодолевает границы привычного формата «известные люди пишут о...» и становится чем-то несомненно большим.

Открывает прозаический, за небольшим исключением (миниатюра Наталии Ким «Очки»), сборник поэтический текст «Женская раздевалка клуба „Планета фитнес“». И не чей-нибудь, а новоиспеченного лауреата премии «Большая книга» — Марии Степановой. Паразитирование на громком имени? Рекламный ход? Способ коммерциализации издания? И первое, и второе, и третье. Насколько это оправданно и органично, пусть каждый читатель решает для себя.

В остальном сборник получился довольно цельным. И даже внутренние границы — зыбкие, проницаемые. Одна часть перетекает в другую, — третья дополняет первую. «Получилась единая история о насилии и разных способах преодоления его последствий, об осмыслении прожитого, о становлении личности, об обретении свободы».

В то же время тексты очень разные: и очевидно личные истории — и с чужого плеча, и жизненные — и вымышленные. Но в каждом так или иначе узнаешь если не себя, то Петьку с соседнего горшка или Машку из пятой палаты. Что еще роднит эти тексты? Излишняя натуралистичность в изложении физиологических подробностей и, как ни странно, — глубокое и трепетное чувство к книге, тесная связь с читательским опытом авторов. Книжная реальность для многих героев становится единственной альтернативой казенному дому.

Наиболее частый и, пожалуй, главный недостаток — стремление по сильнее надавить на большую мозоль, непременно вызвать сочувствие... Однако навязывать читателю чувства — заведомо проигрышная стратегия. Нужно, чтобы его сердце само откликлось.

Авторы изолируют момент травмы, выпячивают отталкивающие подробности. Их воспоминания исключительно болезненные, тяжелые. Да, в них есть истина. Но какая-то однобокая, одномерная. «Жаркая смесь страха и обиды». Душная. Липкая. И ничего больше.

Повторяя ключевые слова — «горшки», «гланды», «побег», писатели снова и снова рассказывают уже знакомую читателю историю. Любую из них можно сжать до «Он страдал. Ему было плохо». Такие тексты отягощены взрослыми мыслями, рассуждениями постфактум на нететские темы. Это не впечатления там и тогда, а их осмысление здесь и сейчас. И каждый автор, по меткому выражению Любови Гуровой, сам себе «ненадежный свидетель». Впору через строчку оставлять примечание: это «я задним числом понимаю».

Симптоматичны излишняя трепетность к «приватности» и протест против всего коллективного. «Но часа через два я понял, что делать мне там нечего. Уже не помню, по какой именно причине. То ли потому, что всех рядком посадили на горшки, а приватность, хотя я такого слова не знал, для меня была важна. То ли потому, что воспитательница затеяла какие-то коллективные игры» (Никита Алексеев «Беглая поэзия»). Вот только писатель и себе не может признаться, что ранили его не несколько часов в детском саду и не крайне непродолжительная поездка в пионерский лагерь, а инициатор «коллективного воспитания», именуемый не иначе как «папаша».

Но и в таких текстах есть на что обратить внимание: Гелия Певзнер, например, то и дело каламбурирует, Гриша Брускин экспериментирует с формой, Людмила Улицкая снимает табу с обычно «запретной» темы, Леонид Гершович собирает пазл из актуального.

Тексты объективные, многомерные в этом сборнике редкость. Из без малого трех десятков — три-четыре, не больше пяти уж точно.

В них есть место любви (в самом широком смысле слова) и прочим «переживаниям романтического толка». Есть место иронии и, что куда более важно, самоиронии. В них хочется себя узнавать, к ним хочется возвращаться... Они вызывают улыбку и даже искренний смех. И это не значит, что в них нет боли и страха, оскорбительных и постыдных моментов. Есть. Иногда в избытке.

Лучшее тому доказательство — рассказ «Отставка из рая». Алексей Цветков умудряется о детстве, проведенном в «гипсовой кровати», писать так, что то и дело посмеиваешься про себя, переводя взгляд со строки на строку, хотя, казалось бы, совсем не до смеха. Этому желанию совершенно невозможно сопротивляться. Ведь всем нам приходилось, попадись на глаза божья коровка, выполнять сокровенный ритуал — «взять в руки, понюхать, поморщиться и прочитать стандартную инструкцию, куда полететь и как там поступить». Да и кто сказал, что лекарство непременно должно быть горьким?

Татьяне Малкиной в рассказе «Лучшее средство» удалось в розовых тонах запечатлеть непреложную истину «происходящей вокруг жизни»: об руку с предательством всегда идет дружба, с жестокостью — нечаянная нежность, с животной ненавистью — любовь. Как говорится, нет худа без добра. Остается только не упустить из виду.

«...Очень горько плачу, навзрыд, почему-то в уборной <...> кошусь в дощатые дыры, где пенятся вонючие охристые ряски, и думаю, как легко туда как бы невзначай провалиться <...> Но через миг помню себя стоящей с запрокинутой головой за выгребными, под высокими пирамидальными тополями <...> уже в состоянии восторга».

Борис Минаев («В отделении запрещается уединяться») и вовсе окрашивает привычно черное в белое. Шестая детская психбольница становится синонимом первой любви, настоящей дружбы и абсолютной личной свободы.

А еще есть «Витамин из склянки» Любы Гуровой и «Подлива» Льва Рубинштейна.

Во всех этих текстах, наконец, слышен и детский голос. И вот уже проблемы моральные или идеологические отходят на второй и даже третий план, «главное — это не делать уроки и не ходить в школу».

Искренность перед собой и читателем, простота, некоторая наивность подкупают.

Вместо заключения — справедливое замечание:

«В ней не было каких-то острых парадоксов, ярких мыслей. Она была очень простая и понятная», но «Лева не слышал более сильной речи».

Лидия КОЗЛОВА

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

Книга гастрономических историй, ради которой объединились те, кого объединить невозможно. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2018.

Так уж у нас, русских, принято: сытное застолье разбавлять ароматным чаем с десертом. Чтобы точно понять, что наелся от пуза, и ощутить сладостную атмосферу праздника жизни. Если аксиому эту переносить на литературу, то тем самым десертом можно назвать вновь вошедшие в моду сборники малой прозы. Скажем, только-только осилили томик Толстого, а тут под рукой — свеженькая антология современных рас-